

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Р54)

А.М. ПЛЕХАНОВА

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНЦЕПТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БУРЯТ-МОНГОЛИИ В 1920–1930-е ГОДЫ*

Анализируя теоретические концепции социально-экономической модернизации, автор подтверждает возможность их использования для исследования экономических преобразований, социальных трансформаций и интериоризации советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: теория модернизации, социально-экономическая модернизация, социалистические трансформации, Бурят-Монголия, традиционность, интериоризация.

А.М. PLEKHANOVA

MODERNIZATION THEORY — RESEARCH CONCEPT FOR STUDYING SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF BURYAT-MONGOLIA OF 1920–1930s

The theoretical conception of socio-economic modernization are analyzed. Author confirms the possibility of using them to study the socio-economic transformations and interiorization of the Soviet model in traditional communities of Buryat-Mongolia in 1920-1930s.

Keywords: theory of modernization, socio-economic modernization, socialist transformations, Buryat-Mongolia, traditionality, interiorization.

В условиях теоретико-методологического плюрализма постсоветской отечественной исторической науки ученые используют различные подходы, методы и способы познания прошлого. Одним из ведущих направлений в системе социо-гуманитарных знаний является теория модернизации, с позиций которой процесс развития человечества предстает как поступательное движение от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному).

Первые теории модернизации были созданы в середине XX в. в условиях распада европейских колониальных империй и появления новых независимых государств в Азии, Африке и Латинской Америке, перед которыми встала насущная проблема выбора траектории дальнейшего развития. Теории и программы модернизации, призванные обеспечить

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630А.

форсированный переход от традиционности к современности, были предложены учеными и политиками США и Западной Европы в качестве альтернативы социалистическому пути, пропагандируемому Советским Союзом. В последующем возник ряд теорий, по-разному определяющих сущность и последствия модернизации.

В 1950–1960-е гг. были сформулированы линейные (однаправленные) теории (У. Ростоу, М. Леви, Ш. Эйзенштадт и другие), отождествляющие модернизацию с вестернизацией. В соответствии с «классическим» определением модернизации, которое дал один из основателей «модернизационной школы» Ш. Эйзенштадт: «Историческая модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и потом распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» [1, р. 1], «западный тип» организации общества рассматривался как образец для подражания всеми прочими народами и культурами.

Многолинейные теории возникли в 1970–1980-е гг. (Э. Тириакийян, П. Штомпка, Р. Робертсон, У. Бек, А. Турен, С. Хантингтон). Их существенным отличием от линейных теорий является утверждение о том, что нет единой для всех, универсальной модели модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей — существуют собственные оригинальные пути развития (национальные модели модернизации, имеющие местную социокультурную окраску). Так, С. Хантингтон утверждает, что «...модернизация не равнозначна вестернизации. Япония, Сингапур и Саудовская Аравия являются современными, процветающими, но явно не вестернизированными обществами. Презумпция Запада, что по мере модернизации другие народы станут такими же, «как мы», — это частица западного высокомерия, иллюстрирующего столкновение цивилизаций» [14, с. 48]. Такая резонная постановка проблемы, высвечивает неоднозначность вопроса, и — научную уязвимость вестернизированной версии модернизационного подхода.

Тем не менее, очищенная от идеологической подоплеки, модернизационная теория обладает большим потенциалом для ретроспекции истории России и ее регионов. Модернизация, по сути, стержень всего российского исторического процесса конца XIX–XX вв. Поскольку в процессе осовременивания российского (советского) общества происходили кардинальные взаимосвязанные и взаимозависимые изменения в его экономической организации, социальной стратификации, ценностных представлениях и в повседневной жизни, познавательные возможности модернизационной теории позволяют исследовать совокупность всех сторон развития общества, взятых в целостности, и дать адекватное понимание его состояния.

Активное освоение модернизационной теории отечественными историками началось с начала 1990-х гг. [4; 8; 11]. При исследовании трансформационных процессов в России/СССР ученые сразу же стали уделять особое внимание региональной составляющей [2; 11; 12]. В 2000-е гг. стали появляться работы по истории Бурятии, в которых концепция модернизации признавалась весомой, а порой главной, познавательной стратегией [3; 5; 6; 10; 13].

Отечественные историки, использующие модернизационную теорию в качестве основного исследовательского концепта, отмечают, что ее классический вариант, с присущими ему линейностью и универсализмом не позволяет выявить цивилизационную специфику полиэтничной России. Поэтому для создания картины преобразований, адекватно отражающей историческую реальность, для выявления особенностей интериоризации социально-экономической модели в отдельных регионах требуется корректировка теории модернизации с учетом специфики ее регионов, особенно «традиционных», находившихся вдали от центров экономической и политической жизни. По мнению российского обществоведа В.А. Красильщикова без учета национальных особенностей при использовании теории модернизации незападные народы отчуждаются от хода исторического процесса, становятся маргиналами истории [9, с. 27].

Одной из попыток такой корректировки является частно-историческая теория парциальной (или частичной, «фрагментированной», «фрагментарной») модернизации. Данная модель представляет собой такой процесс социально-экономических изменений, который ведет к институционализации модернизированных экономических и социальных форм, менее модернизированных и традиционных структур.

Данная специфика модернизационных процессов в Забайкалье сложилась уже на рубеже XIX–XX вв. Их начало на территории региона связано с проведением Транссибирской железной дороги. Однако сооружение магистрали, призванной сыграть роль катализатора модернизации, не привело к существенной трансформации экономического пространства, оно лишь закрепило процесс развития региональной экономики не столько за счет местной промышленности, сколько в результате экономических связей с промышленностью европейской России. Продукция местного производства оказалась неконкурентоспособной с промышленными изделиями центральных районов, в результате сюда хлынул поток товаров более дешевых, чем могла предложить местная промышленность. За магистралью закрепилась роль транспортировщика продукции обрабатывающей промышленности из центральной России в обмен на продукцию местной добывающей промышленности. Быстрый рост получили лишь отрасли, обслуживающие в первую очередь саму дорогу и ведущееся вокруг нее строительство: угледобывающая, цементная, лесопильная [5, с. 78].

Практическое осуществление дальнейших планов самодержавия по модернизации региональной экономики было прервано революционными событиями 1917 г. и последовавшей гражданской войной, но после ее окончания модернизационный переход был продолжен уже советской властью в формате новой экономической политики. И хотя сам термин «модернизация» не встречался в официальных документах советской власти, его смысл содержался во многих неологизмах советской эпохи: «социалистические преобразования», «социалистическое строительство», «социалистическое обобществление», «культурная революция» и др. Модернизационные процессы в 1920-е гг. облекались в политическую формулу нового общественного строя.

Развиваясь в контексте общегосударственной политики, модернизационные процессы в Бурятии имели свою специфику — по масштабам, глубине и темпам преобразований. Природно-географические особенности региона, особое геополитическое положение (близость к странам Центральной Азии), слабые коммуникативные связи в условиях разреженной дисперсной зоны, сочетание различных типов хозяйственной деятельности, богатство природных ресурсов при недостатке капиталов для их освоения, неразвитость промышленной основы, иные, чем в центре, инновационные и кадровые ресурсы — все это предопределило специфику модернизационных преобразований. Создание в 1923 г. национальной автономии коренного этноса Западного Забайкалья — бурят — привнесло в процесс экономической модернизации региона «национальный» оттенок. Бурят-Монгольская республика должна была продемонстрировать угнетенным в царской России инородцам преимущества нового — социалистического — строя, а народам Востока, особенно соседней Монголии, — успехи социалистического строительства для вовлечения их в орбиту советского экономического и политического влияния.

Сложный социально-исторический и социально-психологический процесс усвоения новых социальных форм, экономических отношений и ценностных представлений, диктовавшихся советской властью населению Бурят-Монгольской АССР, приводил к изменению сознания в соответствии с большевистской парадигмой социалистического общества. Данные процессы, аналогичные всей остальной территории Советского Союза, в республике активизировались постепенно не только в связи с более поздним окончанием Гражданской войны и иностранной интервенции, но главным образом в силу этнокультурной и хозяйственной специфики.

Республика представляла собой территорию взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп, которые проживали в непосредственной близости друг от друга, но при этом сохраняли собственный традиционный образ жизни. В столице республики — Верхнеудинске — интериоризация советской модели происходила быстрее, чем в сельской местности. Это объясняется не только отдаленным положени-

ем некоторых деревень и улусов, но и большей устойчивостью в сельской местности традиционного образа жизни. Кроме того, многие поселения (например, старообрядцев) представляли собой закрытые сообщества, изначально считавшие все нововведения враждебными и чуждыми. Поэтому однотипные действия властей в старообрядческом селе, бурятском улусе или в городском пространстве Верхнеудинска, направленные на внедрение нововведений, воспринимались по-разному и требовали выработки специфических для каждого отдельного случая мер.

Неодинаковая степень вовлеченности в модернизационные процессы, не только отдельных отраслей экономики, но и даже разных групп населения привела к сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности. Вместе с тем, складывание единой денежной системы, учреждение банков, восстановление, переоборудование и расширение имевшихся промышленных предприятий, увеличение объема выпускаемой продукции, широкое развитие кооперации, повышение машинообеспеченности крестьянских хозяйств, возрастающая степень плотности стационарной торговой сети позволили не только восстановить разрушенную войной экономику, но и создать условия для последующего модернизационного рывка.

Полномасштабная социалистическая модернизация 1930-х гг. с ее форсированным характером, присущим экономике мобилизационного типа, была продуктом централизованного планово-распределительного механизма. В Бурят-Монгольской республике отчетливо проявились все черты, присущие советской индустриализации в целом, в то же время экономическая модернизация в регионе продемонстрировала свою специфику: создание крупной промышленности практически с нуля на базе уже сформированной в стране крупной индустрии на ассигнованные государственным бюджетом средства; более высокие, чем в целом по стране, темпы роста капиталовложений в крупную промышленность в годы первых пятилеток, что свидетельствовало, с одной стороны, о форсированном развитии промышленности Бурятии, а с другой — о ее низком стартовом уровне. При своей технологической незавершенности, обострившемся углублении диспропорций в развитии промышленности и аграрного сектора и уничтожении традиционного уклада в деревне именно советская индустриальная модернизация в основном и решила давно поставленную задачу — кардинально перестроила экономику и существенно укрепила промышленную мощь Бурятии, тем самым значительно усилив позиции Советского Союза на Востоке [6, с. 224].

Экономическая модернизация имела преимущественно государственный характер. Она проводилась на базе государственной экономики и государственного управления с помощью политической системы советского типа. Частный сектор с самого начала был обречен на поражение в неравной борьбе с сектором государственно-кооперативным,

что вполне закономерно: цели форсированной трансформации регионального экономического пространства и выравнивания экономического развития регионов могли быть поставлены и достигнуты только государством на основе концентрации всех ресурсов на ключевых «направлениях прорыва».

Поскольку важнейшей составной частью модернизационных преобразований является урбанизация, модернизационный концепт позволяет исследовать урбанизационные процессы, протекающие на территории Бурятии в 1920–1930-е гг. Современные исследователи отошли от однобокой трактовки урбанизации, как процесса развития городов и роста городского населения, а сконцентрировали внимание на системном характере урбанизации, которая неизбежно затрагивает не только собственно городскую поселенческую сеть, но и сельскую местность, придавая ей новые черты и качество [7, с. 439]. На конец XIX в. — 1920-е гг. приходится начальный период урбанизации региона, когда происходит постепенное накопление качественных изменений, создающих предпосылки для кардинальной перестройки сельской местности в 1930-е и последующие годы. В 1920–1930-е гг. наблюдается рост городского населения, сельская поселенческая сеть начинает приобретать новые черты, начинает складываться социальная инфраструктура, ориентированная на выполнение дополнительных социальных функций, т.е. то, что не было свойственно традиционным деревне и улусу. Безусловно, этот процесс протекал сложно, поскольку большая часть населения вела кочевой и полукочевой образ жизни. Однако в рамках коллективизации и социалистических преобразований деревни и улуса, которые затронули не только производственную и социальную сферу, но и культурно-бытовые условия жизни земледельцев и скотоводов, государственные мероприятия, направленные на перевод кочевников на оседлость, ликвидацию безграмотности, внедрение обязательного начального образования, формирование клубно-библиотечной сети, изменение форм и содержания досуга имели значительный урбанизационный эффект. Вместе с тем, столкновение традиционного уклада и модернизационных преобразований обернулось нивелировкой национальных особенностей, имевшей как положительное, так и отрицательное значение. Переход кочевников к земледелию, с одной стороны, ускорял модернизационный процесс, а с другой — способствовал стиранию национальной уникальности [15, с. 146].

Несомненно, отечественные исследователи проделали большую работу для создания достоверной и полной картины исторического процесса, в частности, движения и социальных последствий перехода от традиционного общества к современному. Мы не склонны видеть в теории модернизации универсальный код для объяснения экономических экспериментов и социальных трансформаций. Вместе с тем считаем,

что познавательные возможности модернизационной теории позволяют исследовать широкие исторические процессы не только на макроуровне, но и на уровне отдельных регионов.

Список использованной литературы и источников

1. Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change* / S. N. Eisenstadt. — Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1966. — 166 p. (in English)
2. Алексеев В. В. Регион — этнос — культура: проблемы взаимодействия в XX веке / В. В. Алексеев // *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений*. — М. : Наука, 1999. — С. 89–99.
3. Балдано М. Н. Урбанизационные процессы в Байкальской Азии / М. Н. Балдано // *Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии*. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — С. 57–68.
4. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — М. : ОГИ, 1998. — 432 с.
5. Кальмина Л. В. Модернизация сибирской экономики на рубеже XIX–XX вв.: забайкальский вариант / Л. В. Кальмина // *Вестник БНЦ СО РАН*. — 2011. — № 2. — С. 72–81.
6. Кальмина Л. В. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / Л. В. Кальмина, М. Н. Балдано, А. М. Плеханова, Л. И. Бородкин, Т. В. Паликова / под ред. Б. В. Базарова. — Иркутск : Оттиск, 2015. — 228 с.
7. Мазур Л. Н. Урбанизация российской деревни во второй половине XIX–XX вв. в контексте государственной политики / Л. Н. Мазур // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всерос. науч. конф., посв. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН*. — Екатеринбург : УрО РАН, 2008. — С. 439–443.
8. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Алексеев. — Екатеринбург : УрО РАН, УрГИ, 1998. — 145 с.
9. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков, А. Р. Белосов, В. П. Гутник, А. Н. Клепач, В. И. Кузнецов. — М. : Инфомарт, 1994. — 115 с.
10. Номогоева В. В. Бурятия в 1920–1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации / В. В. Номогоева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 280 с.
11. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В. В. Алексеева. — М. : Наука, 2000. — 246 с.
12. Сенявский А. С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты (теоретико-методологические проблемы) / А. С. Сенявский // *Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов*. — Улан-Удэ, 2007. — С. 32–57.
13. Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Т. Д. Скрынникова, С. Д. Батомункуев, П. К. Варнавский. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — 216 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // *Полис*. — 1994. — № 1. — С. 33–48.
15. Шерстова Л. И. Аборигены Южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX века: выбор пути [Электронный ресурс] / Л. И. Шерстова //

Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. материалов конф. / под ред. чл.-корр. РАН В. А. Ламина. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. — Режим доступа : <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/016.html>.

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Anna M. Plekhanova — Doctor of History, Deputy Director for Science, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: plehanova.am@mail.ru.